

Исторический проект-расследование

Сергей Александрович Красносельский

Неудачный проект Наполеона Бонапарта

В чём причина неудачи Наполеона в России? Он был талантливый артиллерист. И гениальный полководец (военачальник). Возможно, самый гениальный полководец всех времён и народов. Именно таких, как он, выдвигают революции на историческую арену. Даже потерпев страшное поражение в России — фактически разгром, Наполеон доказал свои способности, сделав почти невозможное: сумел подняться и выиграть несколько трудных сражений.

В Кремле — пожар.
Худ. В.В. Верещагин.

Почему Наполеон Бонапарт потерпел такую неудачу в России? Чтобы ответить на этот вопрос, можно рассмотреть его русскую кампанию как проект. Конечно, за 200 лет о русской кампании Наполеона написано достаточно. Среди наших предшественников — Вальтер Скотт, Тарле, Толстой и многие другие. Но мы оставляем за собой право провести собственное историческое расследование, которое позволит прояснить причины поражения великого полководца. И предоставив методическую «оболочку» школьнику с пытливым умом, мы дадим ему возможность стать активным участником такого проекта-расследования.

Попытаемся найти главную, сверхважную причину поражения Наполеона в русской кампании. А ведь такая причина была — измена. Наполеон в этой войне изменил себе, собственным принципам. Однако — по порядку.

Какую проблему решал Наполеон русской кампанией? Правильно — обуздать Англию. Страну, которую Наполеон считал и своим личным врагом, и давним врагом Франции. И это известно давно. Но постепенно всё яснее проглядывает другая причина — неуёмное честолюбие Бонапарта. Его жажда мировой славы. Да он и не всегда скрывал это. В частности, 200 лет назад, войдя в Москву в солнечное сентябрьское утро. Ну, и что же здесь удивительного? Всем известно, что диктаторы не отличаются чистосердечием и правдивостью. Но — Бог шельму метит.

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

Наполеон мог сколько угодно дурить голову своей армии, своим подданным и всей Европе, но сам-то он прекрасно знал, где прореха в его планах. Отсюда несвойственные ему сомнения и колебания во всей этой кампании. Началось всё перед русской границей. Император с лошади упал. И кто-то в свите произнёс: «Плохое предзнаменование». Вот тут бы и повернуть назад. Но уже нельзя — это позор в глазах завоёванной им Европы. И Наполеон уже вынужден перейти русскую границу. Как плохой шахматист, он играет цугцванг, где все ходы вынужденные.

Бонапарт цепко держит в мыслях свою цель — навязать русским сражение. Разбить их, в чём у него сомнений нет, ведь он лучший полководец лучшей в мире армии. И после этого заключить с «братом» Александром не обременительный для него мир. При этом забывает, что и противник делает свои ходы и что эти ходы тоже могут быть вынужденными. Возможно, Наполеон и вынудил бы Александра заключить мир. Но тот уже не может — его не поймёт народ. Война становится народной. Александр вынужден назначить командующим народного избранника — Кутузова взамен весьма талантливого Барклая. И вот Кутузов талантливо избегает решительного сражения. Возможно, тогда Наполеон и вспомнил впервые скифов, которые заманили огромное войско Дария в свои бескрайние степи, также избегая при этом сражения.

Но наконец, Кутузова вынуждают дать сражение. Мечта императора Бонапарта сбылась. Но счастья нет — он болен. И эти русские поразительно упорны.

По мнению Наполеона, в Бородинском сражении одержана долгожданная победа. Он со своей армией вошёл в Москву. Но победа оказалась какой-то странной, неполноценной. Ведь Наполеону было с чем сравнивать — он входил во многие столицы мира. И ещё эта досадная неувязка — никто не приносит ключи от города. Сделать это некому — в городе нет жителей.

«Император был очень мрачен. «Какая страшная пустыня!» — воскликнул он, глядя на мёртвые улицы».

Потом начались пожары. Значит, жители есть. Как раз те, которые поджигают. Их расстреливают, но, похоже, город горит уже сам по себе.

Вот тут император и воскликнул своё знаменитое: «Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы». Какая свирепая решимость! Он не привык, чтобы кто-то превосходил его решимостью. И ещё он едва не погиб. Едва не сгорел вместе со свитой в этом пожаре. Спасли своего императора солдаты-мародёры, которым пожар не мешал заниматься грабежом.

И потом длительное бесцельное сидение в Москве в ожидании необходимого позарез мира. Не может он бежать и вернуться в Европу побеждённым. *И эта вялая нерешимость.* Дело в том, что он уже не управляет — управляют им. Этот безвольный хитрый Александр и эта старая лиса — Кутузов. А армия в бездействии и грабежах разлагается. Да ещё пугают русскими морозами! А он видит, что погода прекрасная. Не хуже, чем в Фонтенбло.

Но наконец, до него доходит, что мира не будет. Надо уходить, и он даёт приказ выступить. Европе будут предъявлены взятые у русских кремлёвские трофеи. Бонапарт как военачальник понимает, что гигантский обоз затруднит отступление. Но он не может приказать своим маршалам, офицерам и солдатам бросить награбленное. Это — награда за тяготы войны и позор бегства. И ещё в отместку за унижение приказывает Мортье взорвать Кремль.

Император обижен и ведёт себя как вздорный мальчишка. И новая обида — Кутузов загораживает дорогу на Калугу. И он снова вынужден свернуть на разорённую Смоленскую дорогу. Бородинское поле с неубранными трупами не добавляет оптимизма. Отступающую армию всё время беспокоят русские,

Урок истории

особенно казаки, которые постоянно отбивают обозы. Ситуация становится безвыходной — лошади падают от бескормицы.

Первого ноября в деревне Семлёво Наполеон, наконец, даёт приказ уничтожить обозы. Был ли этот приказ выполнен — не известно. Но он запоздал. Через несколько дней начнётся обещанная русская зима, и отступление превратится в ещё больший кошмар. Даже русская армия, нормально экипированная и накормленная, несёт большие небоевые потери. Наполеоновское же войско превращается в толпу оборванцев. Только в гвардии ещё сохраняется дисциплина.

Конец известен. У Бонапарта ещё были победы, но хребет зверя был сломан. Осталось на острове Святой Елены перебирать воспоми-

нания и пытаться оправдаться перед историей. Нельзя сосчитать, сколько горя принёс Наполеон на русскую землю. Но в нашей истории бывали испытания и тяжелее и положения безнадежнее. А вот свою любимую Францию император едва не доконал. Демографы чуть ли ни до сих пор усматривают последствия наполеоновских войн. Ведь «любимый сын отечества» уничтожил всё мужское население своей страны. Остались старики, инвалиды и дети на развод. Спасибо русским солдатам и казакам, которые до некоторой степени закрыли демографическую брешь своими телами.

Если преподаватели истории вместе со своими учениками проведут собственное рассмотрение затронутой проблемы, возможно, они придут к другим выводам. Важны и другие

Отступление Наполеона в России. Худ. Е. Коссак. 1927 г.

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

вопросы: что потеряла и приобрела Россия? Кто был равен по военному таланту Наполеону из его современников? Может быть, лишь Суворов, который так с ним и не встретился на поле боя. Ясно, что Кутузов его переиграл. Но не уничтожил и Москву сдал. А если бы командующим был Багратион? А если бы остался Барклай? Какие могли быть сценарии?

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения. Зато в реальной жизни то и дело приходится рассматривать варианты и выбирать стратегию поведения. Историками будут лишь некоторые из сегодняшних школьников. Зато жизненные проблемы придётся решать всем.

И ещё — ясно, что Наполеон принёс множество бед не только нашему народу, но народам Европы и самой Франции. Но почему же у многих людей не только во Франции, но и в России он до сих пор вызывает восхищение? Эта проблема представляется мне весьма злободневной.

Козьма Прутков рекомендовал наблюдать круги, образуемые на воде камешками. А круги от того «камня» идут в русской истории до сих пор.

Проект «Клад Наполеона»

Поиски московской добычи Наполеона — это реальная история. В то же время это разработанный и выполненный проект. И хотя в его осуществлении участвовали студенты, он может быть использован как школьными педагогами, так и педагогами дополнительного образования для решения различных проблем, в том числе выходящих за пределы поисков клада.

Проект отличается от замысла (вымысла), истории, рассказа, реферата, в общем, любого другого текста тем, что он предполагает реализацию того, что в нём изложено. А для этого проект обязательно должен содержать рациональное обоснование возможности его осуществ-

ствления и сам способ, конкретную технологию осуществления, а также необходимые условия (ресурсы) для реализации. То есть всё, что нужно для этого придумать, добыть, сконструировать, изготовить, построить.

Этапы проекта:

- определение решаемой проблемы;
- формулирование цели и задач проекта;
- определение требований к проектируемому изделию или объекту;
- формулирование задания на проектирование;
- разработка эскизного и технического проектов;
- реализация проекта.

С переходом к рынку в нашей стране получили распространение не просто проекты, а инвестиционные проекты, бизнес-планы и прочие инновационные затеи, где обозначена экономическая сторона дела. Можно сколько угодно сокрушаться по прежним блаженным временам, но эта перемена закономерна, поскольку раньше на проект всегда отваливали деньги «народные», а теперь часто — свои.

Вот и мы здесь рассказываем не о предположениях, гипотезах или фантазиях, а о реальном проекте, причём проекте реализованном.

Правда, объективности ради надо признать, что проект «Клад Наполеона» никогда не был оформлен в том виде, как он здесь изложен. У него не было ясно сформулированных этапов, характерных для профессиональных технических проектов. Таким он стал постепенно, по мере реализации. Впрочем, так бывает в той или иной степени со всеми разработками в новой или неизвестной области. Обычно никогда не удаётся всё предвидеть заранее в окончательном виде.

Может возникнуть вопрос: а можно ли считать этот проект реализованным, если клад так и не был найден? Ну, так он и не задумывался как проект «нахождения», а только как проект «поиска» клада Наполеона. Другое дело, что все участники были почти уверены, что он там есть, и в том, что мы его найдём.

Урок истории

Причём, уверенность, что мы можем его найти, крепла с каждым успешным шагом. Зато уверенности, что он вообще есть в озере, постепенно становилось меньше.

Уверенность — вещь интуитивная, поэтому недостоверная. Есть ли в озере что-либо в действительности, сказать, увы, нельзя и до сих пор. Просто зона, где что-то может быть, стала меньше. Относительно тех областей, где у нас были пройдены шахты до дна, можно сказать твёрдо и определённо — там нет ничего. Но остаётся ещё изрядная необследованная площадь и самого озера, и «аномалий», особенно под сплавной, наросшей со времени событий теперь уже двухсотлетней давности.

Этот проект хорош тем, что он годится и для продолжения поисков в этом или любом другом озере, где вдруг обнаружится след кремлёвской добычи Наполеона или что-нибудь ещё более интересное. А ещё он годится для организации добычи сапропеля, который является ценным лечебным препаратом и сырьём для сельского хозяйства.

Впервые я услышал о кремлевских сокровищах от приятеля-подводника. Он рассказал о группе искателей клада и спросил, не хочу ли я к ним присоединиться. Я рассказал об этом в Морском клубе МАИ. Тогда члены клуба проявили сдержанный интерес.

Первое свидание

Глубокой осенью мы выбрались на озеро на клубном «газоне», как у нас по-шофёрски назывался ГАЗ-51. За деревней Семлёво Смоленской области остановились на полевой дороге и прошли метров сто по заболоченному прогалу в чахлам лесу.

Вода, над которой возвышалась трава, стояла вровень с берегом. В сущности, это был не берег, а «сплавина» — плавучая подушка из водных и болотных растений. От сознания неизбежности погружения в эти неприступные воды нас охватила невольная дрожь.

Если до этого у нас и были сомнения в существовании клада в глубинах этого зловещего и таинственного озера, то теперь их почти не осталось.

Разглядываем план озера, сделанный предшественниками-торфяниками. Они прощупали всю площадь бурами через каждые 10 метров. Толщина слоя ила впечатляет, в самом глубоком месте она достигает 16 метров. Воды над илом — всего пять метров. Почему-то нам кажется, что клад именно там.

Напротив этого места на самом берегу растёт берёза. Там единственный твёрдый «пятачок» на всём берегу. В воде у берега находятся какие-то сваи. Купальня? Мостки? Около нас уже крутятся местные мальчишки.

- Дядь, а вы что, водолазники?
- Аквалангисты мы... А что это за сваи?
- Да это помещица Клетнова кессон делала. Золотую карету искала.
- Какую карету? — мы переглядываемся.
- Которую французы в озеро бросили.

Убедительнее всего для нас звучит в устах мальчишки родное слово «кессон». Если он знает такое слово, значит, действительно было!

Сомнений больше нет, погружаться надо именно здесь, помещице было виднее. Выясняется, что не важно, 16 метров ила в озере или только пять. Всё равно можно погрузиться в него только по грудь, а дальше он становится очень плотным. И потом, он холодный! Вернее, холодная — осенняя озёрная вода, а ил прямо ледяной, наверное, с ледникового периода, когда это озеро образовалось.

Теперь становится ясно, что просто так здесь ничего не достанешь. Не зря помещица строила кессон. Нужно серьёзно готовиться. Но мы пока не знаем как.

«Семлёвский бум»

«Семлёвский бум» начался с публикации статьи Ярослава Голованова в газете «Комсо-

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

мольская правда». Вспоминаю совещание в редакции.

Никогда бы не подумал, что столько разных и серьёзных людей интересуются поисками кладов. Дело, наверное, в том, что аромат сокровищ всегда берedit души. Да и жили мы тогда довольно скудно.

Были на совещании и сотрудники Исторического музея, инженеры из некоего закрытого НИИ, геофизики, торфяники, геолог, бухгалтер из Министерства речного флота, бывший военный водолаз и кто-то ещё.

Историки рассказали о своих изысканиях в архивах и указаниях на Семлёвское озеро как место захоронения московской добычи французов. Изыскатели — о результатах приборных исследований на озере, которые неопровержимо указывали на некие аномалии в его глубинах, не объяснимые естественными причинами.

Вопрос стоял всё тот же: что делать дальше? Каждый вносил предложения, исходя из собственных возможностей. Историки предлагали ещё раз пройтись по архивам, торфяники — пощупать дно бурами с электрическими контактами, геофизики — испытать новые методы разведки.

Меня всё это не устраивало. Ведь если уже известно, что клад в озере, зачем ещё исследовать, нужно его попросту достать оттуда. Проблема, конечно, в том, как это сделать?

Были и практические предложения по решению проблемы, например, прорыть канал до речки Семлёвки и спустить воду из озера туда. Ну да, воду мы спустим, примерно два метра, а что с илом делать? «На ил пустим экскаватор... на плоту, он и будет вычерпывать ил», — менее уверенно продолжал автор предложения.

Было ещё радикальное предложение — всё взорвать. Правда на вопрос: что будет с сокровищами? — предложивший не ответил. Но кто-то тут же предложил взорвать рядом

и озеро перелить в образовавшуюся воронку. Но опять вставал вопрос: какая воронка потребуется? И потом, озеро подпитывается большим болотом и немного погода наполнится до прежнего уровня.

— Сколько там ила? — спросил бухгалтер речного министерства?

— Ну, побольше, чем сто тысяч кубометров.

— Это моему земснаряду на неделю работы... Вот оно решение. И такое простое!

— Ну, так в чём дело, давайте ваш земснаряд!

— А кто будет платить? — задаёт вопрос бухгалтер.

— Сколько это стоит?

Бухгалтер считает: разборка земснаряда, примерно месяц работы бригады механиков, перевозка на тридцати большегрузных автомобилях, сборка — побольше месяца... Всё становится ясным, как божий день.

Тут бывший военный водолаз говорит: «Ил можно отсасывать грунтососом — эрлифтом». И тут же набрасывает чертёж грунтососа.

— А как сосёт? — спрашиваю я.

— Кирпич попадёт, он его раздробит и наверх выкинет...

Очень мне понравилось это предложение. Много позже я понял почему. Здесь я увидел работу для себя — водолаза.

Подготовка оборудования

Наиболее сложным было добыть воздушный компрессор для эрлифта. Для наших целей больше всего подходил колёсный компрессор, питающий отбойные молотки сжатым воздухом. Его-то и купил для нас местный совхоз, который оказывал нам значительную помощь, обосновав покупку необходимостью добычи ила-сапропеля для сельскохозяйственных нужд.

Грунтосос сварили по моему чертежу на институтском заводе. Шланги для него я нашёл на свалке мясокомбината. Договорились на военной кафедре о двух ракетных

Урок истории

контейнерах. Один из двух полуцилиндров был использован как понтон под компрессор, другой — в виде огромной стальной бутылки — для защитной шахты, чтобы водолаза не завалило илом.

Первый подход

В начале зимних каникул мы выехали в Семлево колонной из трёх машин. Возглавлял колонну командирский «козёл», за ним шёл «газон» с основным составом, третьим шёл «ЗИЛ-157», груженный оборудованием. На прицепе за «газоном» тащился компрессор «ЗИФ-55». Дорогу к озеру нам расчистил совхозный бульдозер — трактор с навешенным впереди отвалом собственного изготовления.

Зря мы сомневались насчёт толщины льда, он выдержал бы и паровоз. Компрессор поставили в стороне от майны. Над ней установили лебёдку, на тросе которой висел грунтосос — эрлифт.

Двигатель компрессора, отлаженный совхозными механиками, запустился сразу. Пока заполнялся ресивер, мы ждали, столпившись у майны. Было тихо, как, наверное, бывает на фронте перед атакой. Наконец, давление в ресивере поднялось, открыли кран, и воздух пошёл в грунтосос. Эффект был неожиданный — 150-миллиметровый гофрированный шланг полез из проруби, следом показалась верхушка грунтососа. Пришлось навесить на него пару противовесов с тракторного дизеля, чтобы он не всплывал.

Со второй попытки всё получилось — шланг конвульсивно дернулся и «выплюнул» на лёд пару ведер воды с илом. В морозном воздухе разнеслось недружное, но громкое «Ура!». И вот уже на льду образовалась коричневая лужа. Стали думать, как опускать нашу шахту. В майну она не пролезет. Не рубить же майну под всю длину шахты.

Эйфория скоро закончилась вместе с илом из шланга. Оттуда вылетали уже «плевки» мутной водички. Напрасно мы поддёргивали грун-

тосос вверх и резко опускали — ил он не сосал. Стало ясно, что без водолаза наш агрегат работать не будет. Решили подождать до лета, тем более что зимние каникулы заканчивались. *Я не догадывался, что лично для меня Семлёво теперь надолго, не на одно лето.*

Начало работы

Летом, когда мы снова оказались на месте, я взглянул внимательно на свою команду. Что называется, без слёз не взглянешь — первокурсники, первогодки. Ребята прослушали лекции по подводному плаванию. Они умеют плавать в ластах, обращаться с маской и трубкой и по несколько часов проплавали с аквалангом в бассейне. Как выяснилось, для серьёзной работы моя команда не годилась. Да и воздуха для аквалангов у нас не было — компрессор высокого давления не удавалось запустить. Но до работы под водой предстояло ещё многое сделать. Например, собрать и наладить установку для откачки ила. Зимой компрессор стоял на льду. Теперь его нужно поставить на понтон, который лежал на дне. Необходимо было поднять и собрать понтон, погрузить на него компрессор и запустить всё это в работу. Потом ещё каким-то образом нужно доставить на место нашу шахту и поставить её вертикально. Всё это было продумано в Москве, но совсем другое дело — осуществить задуманное на месте. И потом нам предстояло освоить работу с грунтососом. Прежде всего, нужно было восстановить понтон. Словом — одни неизвестные. А ребята мои ничего не умеют.

Начал я с выяснения, что могут мои мальчишки. Оказалось, что кое-что всё-таки могут. В нашем клубе было много студентов МАИ с периферии, и они умели больше, чем москвичи. Например, выяснилось, что они могут держать топор в руках, а кое-кто умел даже слесарить. Один парнишка разбирался в радиотехнике, ему я сразу поручил подводную связь. Но никто из ребят не имел до этого дела с моторами, так что компрессор нам налаживали рабочие совхозных мастерских, а с компрессором для зарядки аквалангов пришлось разбираться самому.

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

Начать пришлось с подъёма понтона. Работали без аквалангов. Благо, что понтон лежал на глубине меньше четырёх метров. Позже я сообразил, какое это счастье. Ребята работали в масках и с трубкой, а я смотрел, кто из них на что способен. Главным судоподъёмным агрегатом был всё тот же компрессор «ЗИФ-55», который стоял на помосте на сплаvine. По шлангам мы качали воздух в понтон, пока он не всплыл. Правда, при этом частично оторвалась палуба из листового железа.

Сварщик заварил нам в понтоне дырки от жаканов, приварил палубу. Сколотили деревянный настил. Понтон стоял у края сплавины. Что дальше, как везти на него компрессор? Сплавина веса компрессора не выдержит. Вариантов всего два: либо вытащить понтон на сплаvinу, но для этого нужен трактор, либо везти компрессор на стоящий у края сплавины понтон. Второй вариант нас также не устраивает. Мы не очень представляем, как понтон будет держать компрессор, так как водоизмещения у него в обрез. Нам мешает наше теоретическое образование. Умельцы из народа работают не так. Они долго не думают, а выбирают самый простой вариант, но зато после с блеском преодолевают трудности, которые сами себе создают.

В конце концов, мы выбираем нечто среднее: понтон втаскиваем одним боком на сплаvinу и притягиваем верёвками к ближним соснам. Но всё равно сплавина не выдерживает веса компрессора. Приходится строить настил и на него опирать наклонный трап. Из-за нашей слабой плотницкой подготовки сооружение получается весьма неуклюжее, но сравнительно надёжное. Вечером ребята вспоминают курсы геометрии и механики, выполняя расчёты трапа.

Единственное наше такелажное оборудование — ржавую лебёдку — закрепляем на понтоне и буквально по сантиметрам тащим компрессор. Чуть подтащим и смотрим, насколько прогнулся трап, сильно ли утонула сплавина. Наконец, нам надоедает, и мы под «раз-два, взяли» лихо вкатываем передние

колёса на понтон. Понтон накрывается в сторону берега, но раздумывать уже не приходится, и мы тянем компрессор дальше. Вот он уже целиком на понтоне: «Ура!» Притягиваем шасси компрессора к понтону вязальной проволокой, с которой обращаемся уже вполне умело.

Остаётся стащить понтон с края сплавины, но опереться не во что. Пришлось действительно завезти на резиновой лодке трос на другой берег. Закрепили к деревьям и той же лебёдкой стаскивали понтон со сплавины. Понтон несколько скособочен, компрессор стоит несимметрично, но исправить всё равно ничего нельзя, пусть будет как есть.

Шахта, она же обсадная труба

Это ракетный контейнер в форме бутылки, которая имеет семь метров в длину и почти два метра — диаметра в основании. Но вот «горлышко» у неё всего 70 сантиметров. Необходимо её затопить в нужном месте в вертикальном положении. Тут тоже ребятам пришлось помозговать, вспоминая закон Архимеда.

Закрыли оба торца крышками, слава богу, подумали об этом ещё в Москве, на буксире притащили к месту работы. Стравили часть воздуха, и шахта встала вертикально. Под водой отвинтили болты нижней крышки. Дальше травили воздух, пока она не опустилась вертикально в ил. Обнаружили, что горло не доходит до поверхности метра на три.

Прямо над шахтой поставили понтон и опустили в горло стальной бутылки грунтосос. Узковато горло. Ведь в нём толстый гофрированный шланг, воздушный шланг, трос, и мимо них должен внутрь пролезть водолаз. Первым полез я. Оказалось, что пролезть можно, а внутри вообще свободно, когда весь ил из шахты высосан. Только вот шахта вниз не идёт. Лезу проверять. Оказывается, под шахтой ила вообще уже нет — яма. Она даже шире шахты. Почему же шахта не проваливается? Наверху смотрим на

Урок истории

свой кладоискательский инструмент. Клопате прилип изрядный шмат ила. И не отваливается, как мы её ни крутим. Кто-то догадывается — он же липкий, вот почему шахта не идёт вниз. Что делать, как её загнать вниз? А может быть, она не нужна — яма в таком плотном иле будет сама сохранять форму? С огромным облегчением решили от шахты отказаться. Закрыли верхнюю крышку, накачали через штуцер воздухом. Очень медленно она выдралась из илового плена, всплыла и закачалась, как пустая бутылка, высунув горлышко из воды. В таком виде дотащили её до берега и выволокли лебёдкой на сплавину, где она, может, и до сих пор лежит. Пробуем работать без шахты. Приходится буквально рыть ил и засовывать его в прожорливое горло грунтососа. Работа идёт медленно. Нужно что-то придумать. Тем более что время вышло. Мне нужно ехать в экспедицию на Дальний Восток, да и у ребят дальнейшие планы на отдых. Большинство едет на родину к родителям.

В Москве

До следующего лета в Москве было время подумать. Взятая у военных сапёров пожарная помпа дополнит нашу конструкцию. Теперь водолаз будет не расковыривать ил, а размывать его струёй из брандспойта, который закрепим на грунтососе.

Но оставался всё тот же вопрос: где искать? Исторические материалы конкретных указаний не дают. Данные о местоположении аномалий, полученных разными методами, тоже расходятся. Но пока эти вопросы не очень волнуют нас. Ведь мы не уверены, что сможем достичь минерального дна.

Кстати, а зачем до дна? Мы исходим из того, что за прошедшее время что-то тяжёлое, например пушки или оружие из Грановитой палаты Московского Кремля, несмотря на плотность ила, медленно опускаясь, дошло до минерального дна. Более лёгкие предметы могут застрять в иле по дороге ко дну. Значит, полную уверенность, что в этом месте ничего нет, может дать только достижение дна. Вероятность успе-

ха увеличивало соображение, что если уж супостаты сбрасывали что-то по приказу императора, то наверняка это были не единичные предметы. Значит, это что-то должно было занять изрядную площадь на дне и хотя бы в край «залежи» мы весьма вероятно попадём.

Снова в Семлёве

На следующее лето со мной поехали более подготовленные кадры. Несколько ребят из прошлого года решили продолжить поиски. И на этот раз главной проблемой был воздух. Французский компрессор, который нам дали в дружественном подводном клубе, почти не работал. Пришлось ехать в Москву за «воздухом». Привезли несколько забитых транспортных баллонов и подкачивающий насос.

На основе уже имеющегося опыта да с брандспойтом первую шахту до дна прошли быстро. Водолаз поворачивает брандспойт, направляя струю под заборное отверстие грунтососа. Чем глубже и чем плотнее ил, тем уже получается выработанная шахта, соответственно, тем сложнее в ней разместиться с грунтососом. Чтобы иметь опору, вдавливаешь акваланг в стенку шахты. Тогда можно крутить грунтосос вокруг оси на тросе и поворачивать брандспойт. Плотность ила у дна такова, что кулак вдавливается в него с трудом. Поднимается водолаз с зажатой в кулаке глиной с мелкими камушками, значит, достигли минерального дна. В это лето дошли до дна в самой глубокой части, пройдя слой ила толщиной в 16 метров. Следует заметить, что произошла до некоторой степени подмена целей. Не было необходимости проходить именно самый толстый слой ила. Но был азарт и желание проверить возможности метода и собственные возможности.

Коррекция подходов к проблеме

До следующего лета снова в Москве пересматриваем подходы к проблеме. Пройдено пять шахт в самых «аномальных» районах озера, а результата нет. Что пропустить мы ничего не могли, доказывают «находки». Манометр

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

с компрессора три раза роняли в озеро и три раза находили на дне очередной шахты. Нашли бур, потерянный торфяниками, и несколько досок на разной глубине ила. Неужели могли бы пропустить, например, пушку?

Либо не там ищем, либо в озере вообще ничего нет. Сомнения крепнут. А могли ли французы организовать это затопление в условиях бегства? Ну, бегства ещё не было. Шло сравнительно организованное отступление под давлением даже не главных сил русской армии, которые Кутузов берёт. Правда, было ясно, что огромный обоз лишил армию мобильности. Разнокалиберные повозки ломались. Лошади без фуража падали. Хотя основные трудности были впереди.

Император отдал приказ сократить обоз. Вроде бы как раз в Семлёве, 1 ноября. Хотя найти приказ мне так и не удалось. А зачем захватчикам вообще понадобилось топить эти трофеи? Не могли попросту бросить, если трудно увезти?

Русский историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский: «Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из московского арсенала. Наполеону было уже не до трофеев».

Граф де Сегюр, один из лучших биографов Наполеона: «...нам пришлось бросить в Семлевском озере вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест Ивана Великого. Трофеи, слава — все те блага, ради которых мы жертвовали всем, стали нас тяготить».

Вальтер Скотт: «1 ноября император опять начал трудное отступление... Он повелел, чтобы «московская добыча»: древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого были брошены в Семлевское озеро, как трофеи, которые ему не хотелось отдать обратно и которые он не имел возможности везти с собой».

Это был вопрос престижа. Наполеон, в сущности, уже потерпел поражение. А он к этому

не привык. Он ведь так и не признал до конца жизни, что это он проиграл русскую кампанию.

Захваченные трофеи должны были компенсировать моральный урон. Их нужно было показать Европе. Во всяком случае, их нельзя было просто отдать русским, необходимо было их уничтожить. Что-то жгли, ломали, но пушки уничтожить не так просто.

Толки о затоплении французами орудий возникли ещё до изгнания завоевателей из России. В 1813 году семлёвский помещик Бирюков представил в земский суд 40 пушечных лафетов, брошенных в Семлёве французами. Орудийные стволы найти не удалось, хотя было ясно, что дальше Семлёва без лафетов они не могли быть вывезены. Смоленский губернатор пытался тогда же установить место затопления, но тщетно. Местные жители во время отступления французов скрывались в лесах, и подсказать ничего не могли. Были две кустарные попытки изъятия сокровищ, но они не удались.

Таким образом, в Семлёвском озере должны быть хотя бы пушки. На это указывают и аномалии (но они не доказывают, что в озере что-то затопили). Учёные выбрали формулировку: «аномалии не могут быть объяснены естественными причинами». А какими могут? Это у них обычная практика — прямо ничего не говорить.

Значит, ищем не там. Снова выясняем, где всё же проходила Старая Смоленская дорога. Ребята находят её недалеко от озера. Но могли ли они протащить всё это к озеру через заболоченный лес? Проложить лежнёвку в лесу не так сложно. Строили же они переправы через осенние полноводные реки. Но от этой лежнёвки должны остаться следы? Не обязательно — даже самую Старую Смоленскую дорогу очень трудно обнаружить — две бывшие канавы по бокам, заросшие такими же деревьями, что и в окружающем лесу. Тем более, лежнёвка могла вовсе «утонуть» в болотной растительности.

Урок истории

А почему мы ищем в самой глубокой части озера? Это *правильно*, если исходить из того, что захватили промерили глубину шестами. Кстати, один шест мы нашли в иле. А может, они ничего и не мерили. А попросту скинули в самой широкой части озера, а вовсе не в глубокой? Кстати, а откуда бросали, с берега или с плотов?

Говорят, в деревне Нивки живёт дед, которому его прадед рассказывал, что сам из леса видел, как французы сбрасывали *мешки с плотов* в озеро. Мы засомневались, но нам сказали, что тот очевидец прожил 113 лет. Получается, что действительно мог видеть. Другой вопрос — было ли это на самом деле. Надо бы съездить к деду, но времени нет. Тем более, что доверять этим местным легендам особо нельзя. Уж больно их много в тех местах, где происходили важные события. Всё же мы больше верим письменным документам. И, конечно, научным данным.

До следующего лета придумали механизацию — повесить на грунтосос два брандспойта. И, меняя напор, заставить их поворачивать грунтосос на тресе вправо — влево. На деле из этого ничего не вышло. Слишком уж неуклюжая конструкция. Так что без постоянной работы водолаза обойтись так и не удалось.

Мы освоили технику прохождения шахт в иле и истыкали ими основную площадь аномалий. Теперь это рутина. Я даже не могу вспомнить, с закрытыми глазами я работал под водой или с открытыми. Последний красноватый свет видишь через 10 сантиметров воды над головой. Потом погружаешься в абсолютный мрак. Правда тут в шахте всё в непосредственной досягаемости и ориентируешься на ощупь.

Всё чаще поглядываем на сплаvinу, которая выросла за прошедшие годы со стороны Старой Смоленской дороги. Ведь если плотов не было, тогда искать нужно под сплаvinой. Остаётся придумать, как её убрать. В кузне нам приварили топоры к обрезкам стальных труб. Получается пешня, вроде тех, которы-

ми дворники колют лёд. Мы долбим ими упругую сплаvinу, вырезая кусок по размеру понтона. Образовался искусственный остров. Он плавает по озеру, и мы даже устроили на нём торжественный обед в честь своей победы над природой. Понтон завели в образовавшуюся гавань. Но и здесь ничего не нашли. Начали расширять шахту, вдруг край «залези» где-то близко. Опускались под воду с металлоискателями. Тыкали в ил вокруг шахты щупами. В широкой шахте ориентироваться стало трудно. Не чувствуешь, какое расстояние до иловой стенки в одну и в другую сторону.

Летом 1967 года с нами на озере работала Воронежская геофизическая экспедиция. Геофизики вели электроразведку и говорили нам, где, по их мнению, стоит поискать. Но так ничего и не нашли и решили, что нужно уходить дальше под сплаvinу.

С помощью райкома партии получили разрешение на взрывные работы. Приказать райкомом не мог, однако может посоветовать. Вот и посоветовал местному карьероуправлению нам помочь. Там нашли мастера-взрывника, который готов был из любопытства с нами поработать. Засыпали аммонал в «огнетушители» — двухлитровые бутылки из-под какого-то вина. Эффект от взрывов был больше шумовой. Мягкая сплавина от таких взрывов превращалась в ошметки. А если учесть, что в воздух летели также и сосны, растущие на ней, то картина получалась весьма боевая. Время поджимало, и мы засыпали порцию взрывчатки ещё и в пару огнетушителей, настоящих, железных.

Темнело, а излишки взрывчатки ещё оставались. Взрывник предложил рвануть серьёзно. Не сплаvinу, а снизу, с глубины. Для этого я потащил мешок с взрывчаткой в одну из наших шахт. Мешок был из крафт-бумаги, но он уверял, что бумага многослойная — не успеет промокнуть. Почти в темноте он крутит свою машинку — взрыва нет. Ещё раз, ещё. Нет взрыва. Пришлось лезть уже в темноте за мешком. Темнота не мешала, потому что под водой всегда темно. Мешали сосны,

С.А. Красносельский. Исторический проект-расследование

которые совершенно беспорядочно были свалены вместе с ошметками сплавины. Приходилось буквально извиваться между ветками, прижимая к себе мешок взрывчатки.

И под бывшей сплавиной мы так ничего и не нашли. В следующем году работа не была продолжена. Произошли известные события в Чехословакии, и Министерству культуры, которое за год до этого стало «курировать» нашу работу, сделалось не до нас. И я с большим облегчением прекратил эти надоевшие поиски.

Значит ли это, что в озере ничего нет? Не значит, потому что мы прощупали не всё дно озера, а искали, в основном, там, где геофизики обозначили аномальную зону. Но всю площадь аномалии нам обследовать тоже не удалось, потому что часть её находится под плавучим берегом. Можно сказать, что умень-

шилась вероятность нахождения сокровищ в озере.

Не знаю, нужно ли сегодня продолжать поиски кремлёвской добычи Наполеона. Прошло два столетия. Ясно, что многое тогда же отбили казаки, партизаны, просто крестьяне. Далеко не всё из этого было сдано в казну. Что-то французы сумели зарыть, но вряд ли тщательно, не до этого было. Возможно, что-то до сих пор лежит на дне речек по пути отступления. Но единый объёмный клад может находиться до сих пор только в озере, подобном Семлёвскому. Ведь в таком месте его трудно обнаружить и ещё труднее из такого места его достать. Если бы французы долго и целенаправленно искали место для захоронения сокровищ, найти что-то более подходящее, чем Семлёвское озеро, им бы вряд ли удалось.

Итак, загадка остаётся.

